

Олег Пустовой

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Карантин

Повесть
Часть третья

Олег Пустовой

Карантин. Часть третья

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Пустовой О. М.

Карантин. Часть третья / О. М. Пустовой — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

Часть третья. Продолжение "Внеплановый призыв" и "Путь призывника".
Игорь Мельниченко, в составе молодого пополнения Тихоокеанского флота,
прибывает для прохождения "курса молодого бойца" в специальную часть
острова Русского, где в течение сорока пяти суток призывники превращаются
из гражданских юношей в моряков-тихоокеанцев. Содержит нецензурную
брань.

Содержание

Карантин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Карантин

Играя ласковыми лучами весеннего солнца, тёплый майский день, радостно пленил взгляды прогуливавшейся разноликой публики. Люди откровенно наслаждались нежностью ароматов цветущего мая. И таким прекрасным майским днём, когда многим хотелось беззаботно понежиться в каком-то укромном местечке, чтобы вдоволь насладиться пленительными ароматами нежно-зелёной дикорастущей травки, игриво зеленеющей из прогретой богатой почвы, чтобы до бесконечности ощущать затаившееся притяжение утончённого желания счастья. Именно в этот чудесный майский день, когда так ослепительно сияло золотое светило, и пробуждалась буйным ростом изумрудная зелень, шагал в безмолвном строе неотёсанных салажат перезревший новобранец, опоздавший от своих ровесников ровно на два года, Игорь Мельниченко. Он безвольно шагал в этом молчаливом строе, одетый в грубую драповую шинель и в сдвинутой на лоб бескозырке, с воинским «крабом», но без трепещущей на ветру ленточки. Он шагал, ожидая каких-то новых перемен и внеплановых сюрпризов от внезапно изменившейся жизни, мысленно погружившись в нахлынувшие проблемы своей загадочной судьбы. Строй шагал безмолвно, но уверенно, следуя по чистой набережной мимо морского торгового порта. То и дело, сбивая ногу, моряки вяло шагали вперёд, с огромным любопытством разглядывая всё на своём пути. Тяжёлые вещмешки всей своей военно-морской ношей давили на хрупкие плечи неказистых салажат и, благодаря «драповым» шинелям, вплотную сковывающих юную грудь, под новыми бескозырками выделялись тёплые росинки липкого пота, настойчиво увлажняя нестандартные лысины новобранцев. Спустившись по ступенькам широкого бетонного лестничного марша в самый низ, строй оказался у высокого кованого забора, за которым находилась территория причалов гидрографической службы Тихоокеанского флота. Впереди маршрута, по левую сторону широкой бетонированной набережной, красовалось своим величавым видом ярко-белое здание штаба Краснознамённого Тихоокеанского флота. Справа от набережной, сразу за причалами гидрографических судов, вырисовывались в одну линию боевые военные корабли, выровнявшись кормовыми транцами, среди которых гордо сияли яркими красками гербы Советского Союза. Корабли были развёрнуты красивыми острыми форштевнями внутрь бухты Золотой Рог, подставляя тёплому зюйд-весту большие красные полотнища корабельных гюйсов, весело трепыхавшихся пятипалыми жёлтыми звёздами лёгкими порывами весеннего ветра. У самых клотиков разнообразных корабельных мачт гордо реяли длинные языки брейд-вымпелов, объясняя индивидуумам, посвящённым во флотские тайны свою принадлежность к «военно-морской кампании». На одном из кораблей развевался вымпел флагмана. Это был легендарный крейсер «Адмирал Сенявин». За ним красиво стояли несколько больших противолодочных кораблей, два новеньких сторожевых корабля и один эсминец. На кормовых флагштоках у них веселились на ветру бело-голубые полотнища военно-морских флагов, выставляя напоказ красные оттиски звёзд и дружных, серпасто-молоткастых, пар. С кормы каждого корабля были спущены на пирс дюралевые трапы-сходни. Каждый трап имел растянутые на леерах по всей его длине белые парусиновые полоски, расположенные на внешней стороне лееров. На этих парусиновых полосках красивой вязью были написаны названия кораблей.

Сердце замирало в груди, когда Мельниченко смотрел на эти грозные боевые корабли. Ему так хотелось верить, что в недалёком будущем, и он будет служить на таких же боевых красавцах. Колонна поравнялась с парадным входом в здание штаба флота, и, шагавший по левую сторону строя капитан третьего ранга Бондарев, резко скомандовал громким командным голосом:

– Р-рота-а! – и по этой команде военно-морские «духи» перешли на неотработанный строевой шаг, а «кап три», как заводной, продолжал командовать: – Смирно! Р-равнение на, лево! – и все резко повернули головы в сторону штаба, прижимая полу сжатые кулаки «по швам».

Поприветствовавши, таким образом, здание штаба флота, «кап три» прокомандовал «вольно» и будущие «морские волки» снова закрутили головами в разные стороны, страстно пожирая своими любопытными взглядами всю военно-морскую мощь залива. Не успевши расслабиться, моряки снова услышали громкие команды своего командира громом прозвучавшие на всю набережную: «Равняйся!» и «Смирно!». Но равнялись уже на правую сторону, где молчаливо покачивался на лёгкой волне залива Золотой Рог корабль-экспонат, служивший музеем революционной славы Владивостока – старичок паровичок «Красный вымпел». Когда колонна юных военморов проследовала мимо корабля-музея, взору салажат открылся новый мемориал, находящийся слева по ходу колонны на одной линии со зданием штаба флота. Это был мемориальный комплекс посвящённый морякам-тихоокеанцам, участникам Второй Мировой войны. У самого пригорка вдоль ровных тротуарных плиточек гордо возвышалась на бетонном постаменте участница боевых операций тех памятных военных дней легендарная подводная лодка «С-59».

«Побывать бы внутри этой неотразимой субмарины», – грустно подумал Мельниченко, но строй следовал прямо, ни на йоту не отклоняясь от заданного маршрута. Вот направляющие свернули на право, и строй начал спускаться по пологому склону к оборудованному причалу паромной переправы. Когда колонна прибыла на пассажирскую пристань, «кап три» раз-

решил новобранцам немного расслабиться, выделив время на небольшой перекур. Игорь сразу отыскал среди толпы своего сахалинского попутчика Нечаева, с кем три дня жили в одной каюте на пути следования во Владивосток. Тогда они никаких дружеских отношений не возымели, но теперь Нечаев остался последним, кого Игорь, хоть немного, но знал. Окликнув Нечаева по имени, Игорь приблизился к нему, и они вместе с Андреем отошли в сторонку к урезу причала, раскуривая отсыревшие сигареты с «термоядерным зарядом ядрёного табака» под кодовым названием «Прима». Игорь с Андреем старались с недавнего времени держаться вместе, что не говори, а за плечами было почти три недели тернистого пути призывной кампании и совместной жизни в одном бараке. С другими сослуживцами отношения только пытались вырисовываться, и Мельниченко не торопился делать выводы, так как с новыми не проверенными людьми он сходил не торопясь, давая возможность своему внутреннему «Я» полностью или, хотя бы частично разобраться и охарактеризовать для себя новых товарищей «по оружию». А отряд был многолик и разношерст. Среди братвы были представители кавказских национальностей, азиаты, считанные единицы представителей европейской части страны. Основная масса состояла из дальневосточной братии: с Камчатки, Приморья, Сахалина и Хабаровского края. Были ребята и с самого Владивостока. Призывников из Приморья военморы сразу окрестили «чилимами», возможно от народного приморского названия больших тихоокеанских креветок. Это слово к ним сразу пристало, и было ясно, что будет сопровождать их на всём протяжении флотской службы. Бойцы из среднеазиатских республик получили общее название «чурки», возможно от народного словосочетания «чурка неотёсанная», относящегося к малопонимающим что-либо людям. А среди азиатов действительно было много таких, что на русском языке и двух слов не могли связать. На все вопросы они отвечали одно: «Моя твоя не понимать». Узнав, что Игорь с Украины, его сразу окрестили «хохлою». Кроме Игоря ещё были украинцы по национальности, но все они были из Приморья, и к ним приклеилась кличка «хохол приморский». Род приморских украинцев тянулся из давних времён. Тогда в поисках лучшей жизни и плодородных вольных земель, отчаявшиеся украинцы из бедных сословий бросали свою малую родину и уходили искать счастье на чужбине. Благодаря большому переселению народов, часть украинцев осела в Приморье. Отыскав плодородные земли, они пустили там корни, подняв на ноги не одно поколение приморских украинцев, прививая им свою культуру с народными промыслами и обычаями. Так родились в Приморье целые поселения украинцев, где до сих пор слышна свойственная только им речь, уже не совсем украинская, но с особым диалектом.

Спустя некоторое время, началась посадка на пассажирский катер под военно-морским флагом, следовавший по маршруту: порт Владивосток – остров Русский бухта Аякс. Отойдя от своих размышлений, Мельниченко немного замешкался, наблюдая за стоящим рядом паромом «Амурский залив». В это время к нему подбежал сопровождающий старшина первой статьи Бектирбеков. Он с размаху врезал Игорю кулаком в грудь, чтобы вернуть салагу на грешную землю, выпалив при этом пару воинских фраз, искажая русскую речь:

– Чё стоим, хахоль не русский?! Команда, какой бил? Бистро на катер, тут тебе не там!

Мельниченко моментально понял, что заострять на этот маленький инцидент большого внимания не стоит и не стал держать обиду на столь недалёкого человека, а тут же исправил свою ошибку и быстро кинулся в гомонящую толпу, создавая вид устремлённого на посадку пассажира.

Настало время отправки катера. Все пассажиры разместились на заранее приглянувшихся местах. Сразу было видно, что многие из них постоянные клиенты, так как они быстро размещались в пассажирских салонах катера и приступали к своим частным делам. Многие доставали книги и газеты, основательно отдаваясь чтению. Несколько мичманов и офицеров выбросили на гладкий покрытый пластиком стол тарахтящие костяшки домино, тут же орга-

низовавшись в несколько команд. Первая команда сразу принялась стучать камнями о твёрдую поверхность стола, давно, наверное, привыкшего к таким баталиям.

Для новобранцев всё было ново и интересно, поэтому они разбрелись по разным бортам катера и, придерживаясь за фальшборт, с неподдельным интересом всматривались в картину бурлящей жизни залива. В рулевой рубке катера находился за штурвалом служащий срочной службы при погонах старшины второй статьи. Он нажал на кнопку и над заливом прозвучал пронзительный свист. Матросы в красных спасательных жилетах убрали трап-сходню, и катер отвалил от причала, густо обдав бледно-серым шлейфом едкого дыма кромку холодного пирса. Катер быстро стал набирать ход, выворачивая из-под себя по обе стороны бортов пенные бугры шипящих волн. Курс лежал на остров Русский. Там, на покрытом тайнами острове в бухте Аякс находилась школа мичманов. Выпустив очередной поток курсантов, школа находилась без дела, и командование решило использовать её стены вместе с учебным потенциалом для обучения и прохождения карантина молодым пополнением флота.

Рассекая пенные гребни шумящих волн острым форштевнем, катер отчаянно лавировал по заливу Золотой Рог, открывая для пассажиров обширный кругозор Владивостокского порта. Справа по борту катера, возвышаясь стрелами порталных кранов, раскинулся во всю длину побережья полуострова Эгершельд, морской торговый порт, а по левому борту, со стороны мыса Чуркина – морской рыбный порт. В портах кипела непрерывная работа. У капитально оборудованных причалов стояли большегрузные морские суда, разгружаясь или принимая в свои многотонные трюма, генеральные грузы. Скрипели тали, стонали лебёдки, кряхтели краны – порт жил своей повседневной жизнью, а катер следовал мимо, оставляя за кормой такую бурную портовскую суету.

Вот бухта Золотой Рог осталась за кормой катера и впереди, пугая пенными гребнями вздыбленных волн, встречал его заповедный край залива Петра Великого, раскинувшегося широким морским простором вокруг больших и малых островов, слепо видневшихся в весенней дымке морского пейзажа. Далеко за кормой остались серые черты одиноко стоящего мыса Чуркина и длинный аппендикс холмов полуострова Эгершельд. Прямо по курсу стоял в одиночестве на огромных плавающих бочках, найдя своё последнее пристанище, старенький танкер с именем «Казбек», напоминая своими надстройками очертания спины двугорбого верблюда. Миновав танкер предназначенный, как объяснили любопытным для слива отработанного масла и льяльных вод, катер направился к приближавшемуся берегу острова Русского, выросшего среди залива огромной каменной мощью и ставший форпостом к подходу города на сопках.

Да, это был он – остров Русский. Остров легенда, остров открытый только для военных и самих жителей острова, но совсем недоступный для постороннего глаза. О существовании этого острова Игорь знал из уроков географии и из названия большого рыбопромышленного транспортного рефрижератора из серии островов, встретившись на большой плав практике в порту Вентспилс с одним из бывших выпускников мореходки, работавшем на транспортном рефрижераторе «Остров Русский» электромехаником. Теперь этот остров стоял перед ним во всю свою ширь, плотно окутанный зеленеющими кустами и кустоподобными деревьями, раскинувшимися среди волнообразных сопок. Вот он легендарный остров, которым пугали будущих салажат-тихоокеанцев бывалые военные моряки. А вот и ровненький овалчик бухты Аякс, строго опоясанной узкой полоской песчаного пляжа, посреди которого вытянулся ровным аппендиксом оборудованный из трёх прямоугольных понтонов неприглядный пирс. Пирс служил причалом для нескольких малых катеров. Понтоны были оборудованы электрическими щитами для обеспечения катеров электроэнергией и тремя металлическими столбами со встроенными светильниками под мощные лампы дроссельно-разрядного типа, что служили для освещения пирса в ночное время. До пирса оставались считанные метры. Вот катер коснулся грубым касанием левых носовых кранцев о резиновую подушку цилиндрических кранцев пирса и усиленно заработал всей полной мощностью двигателя на реверсированный ход. Медленно погашая скорость, катер прижимался кормой к скрегочущему металлом о металл пирсу. Когда матросы надёжно привязали катер, закрепив швартовы к выступавшим парам металлических кнехтов, гул двигателя потерял свой монотонный звук. Он резко взвыл долю секунды и медленно стал затухать. Тем временем матросы вооружили трап-сходню, и пассажиры шумной толпой стали выходить на пирс. Как подметил Мельниченко, основными пассажирами были военные моряки, несколько человек из гражданского населения и два солдата. Новобранцы подождали, когда большая часть пассажиров оставила катер, затем стали по одному спускаться на причал. На причале старшины произвели переключку, и строй тронулся по направлению жилых построек. Пройдя по ровной асфальтированной дороге около километра, новоиспечённые курсанты оказались на территории школы мичманов. На удивление вновь прибывших салажат, там не было ни забора, ни КПП. На территории имелось несколько жилых зданий для курсантов, учебный корпус, административные здания, хозяйственные постройки и несколько жилых кирпичных строений, называемых УДОСАМИ. УДОСЫ являлись жильём для кадровых военных, служивших и трудившихся при школе мичманов. По всей территории школы разветвились асфальтированные дороги и тротуарчики, а вдоль помещений рот, располагались широкие площадки со своеобразной разметкой, ярко начерченной белой краской. За зданиями рот или, проще говоря, за казармами, находились оборудованные курилки, по одной для каждой казармы. На самом отшибе, ближе к береговому склону, ведущему к узкой береговой полосе, находился курсантский гальюн, сбитый из делового леса под шиферной крышей. Гальюн был выкрашен белой гашеной известью и на бирюзовом фоне залива величаво парил, словно затерявшаяся среди волн ладья.

Пока командиры решали организационные вопросы, касающиеся размещения молодого пополнения, курсантов распустили на перекур, и над курилкой моментально образовалось мутное сизое облако сигаретного и папиросного дыма.

После небольшого перекура снова была переключка на строевом плацу, и курсантов стали расформировывать по ротам. На этом этапе службы Мельниченко расстался со своим попутчиком Нечаевым. Андрея зачислили в первую роту, а Игорь оказался в третьей роте, без друзей и близких товарищей. Сразу после построения, курсантов увели в казармы, и, с этой минуты, пошли монотонные секунды отсчёта воинского карантина.

Помещение третьей роты находилось на втором этаже добротного двухэтажного здания, выстроенного из обожжённых красных кирпичей. Помещение роты тянулось по всему этажу

здания из торца в торец, и разделить его, можно было на три составные части: нежилая часть, казарма старшинского состава и казарма курсантского состава. Общим был только широкий коридор, тянувшийся по всему расположению роты, разделяя помещение на левую и правую части. В нежилой части роты находились арсенал, оружейная комната, «Красный уголок» или «Ленинская комната» и большое помещение для умывальников. В этой же части роты, между центральным входом и дверью в умывальную, находилась пустующая, пока ещё, тумбочка дневального по роте. Казарма старшинского состава состояла из четырёх рядов одноярусных коек, стоящих по четыре (голова к голове) между которыми находились небольшие проходы с тумбочками посередине, стоявшими спинка к спинке по две у каждого изголовья. Койки тянулись в два ряда вдоль широкого центрального прохода, находящегося на одной линии с основным коридором. Вдоль стен с большими светлыми окнами, параллельно спинкам коек, имелись ещё два небольших прохода: по одному из каждой стороны. Самым большим помещением была казарма курсантского состава. Она была в три раза больше старшинской казармы, с таким же, расположением коек и проходов, разница была только в том, что курсантские койки были двух ярусные и тумбочки у изголовья стояли одна на другой. Вглубь казармы, прямо по коридору, находились подсобные помещения: канцелярия роты, кабинет командира роты и замполита, комната дежурного по роте и бытовая комната – находились слева по коридору. Кабинет старшины роты, хозяйственная кладовка и баталерка – справа. В самом конце коридора находился аварийный выход, закрытый на замок и служивший для эвакуации жильцов на случай пожара и стихийных бедствий. У входной двери и у двери аварийного выхода находились пожарные щиты с противопожарным инвентарём. Там было всё: от вёдер и до топора, что могло послужить для быстрой локализации возгорания. Всё было обустроено так, как и в любой воинской казарме, исключая всякие приятные мелочи. Хотя, одна приятная мелочь, всё же, была – это большой чёрно-белый телевизор литовской марки «Шилялис», гордо возвышавшийся на специальной подставке, вмонтированной в стенку кабинета старшины роты, обращённый своим серым экраном в сторону курсантской казармы.

После ознакомления с ротой, размещения на временных койко-метрах и получения средств личной гигиены, прибывший отряд новоиспечённых «общевойсковиков» рассчитали по взводам и отделениям. Теперь их нарекли «курсантами карантинной роты общевойсковой подготовки», что на жаргонном наречии военных моряков называлось «курсантами курса молодого бойца». В этот же день была провозглашена и вся лестница курсантской иерархии. Так случилось, что капитан третьего ранга Бондарев был командиром третьей роты, а личный состав роты распределялся на четыре взвода. Взвод, куда определили Мельниченко, именовался «вторым» и командиром взвода был назначен главный корабельный старшина Гринёв, а его заместителем – старшина первой статьи Бектирбеков. Так распорядилась судьба-злодейка, что все сопровождающие так и остались в командирах. А вот командиров отделений и их замов, командиры взводов назначали из самих «общевойсковиков» на своё усмотрение. Каждый взвод делился на два отделения, так что среди курсантов сразу выросло по четыре начальника в каждом взводе. Игоря эта радость не коснулась и он остался, как говорится, «без портфеля».

В первый день службы на новом месте, во время личного времени, всем курсантам дали возможность написать домой письма, и привести в надлежащий вид своё обмундирование. Первым делом курсанты нашли на наружном карманчике фланельки рабочего платья белую парусиновую полоску с набитыми трафаретом номерами. Нашивка называлась «боевым номером», а цифры определяли номер роты, номер взвода, отделения и личный номер, согласно записи в книге вечерних проверок. В этот же день курсантам довелось попробовать и свой первый курсантский ужин, состоящий из пшеничной каши, перемешанной с мясной подливой, сладким чаем и кусочком сливочного масла. Масла было ровно столько, чтобы размазать его на одном узком кусочке хлеба, что распределялся в меру: два кусочка чёрного и один

белого. Время ужина определялось десятью минутами, начиная от команды «сесть» и, заканчивая командой «встать».

После ужина курсанты снова занимались своим обмундированием, затем выполнялся общий вечерний распорядок дня. Сначала был просмотр информационной программы «Время», обеспечиваемый заместителем командира роты по политической части капитан-лейтенантом Нестеренко. Затем, вечерняя прогулка с отработкой элементов строевой подготовки, проводимая старшиной роты мичманом Смирновым и вечерняя проверка, возглавляемая командиром роты Бондаревым, а в заключение долгожданный «отбой» под контролем дежурного по роте и командиров взводов.

Всё шло своим чередом согласно, утверждённого командиром части, распорядка дня, как бывает в любой воинской части. Вечерняя проверка проходила на плацу у здания роты. Проверив всех пофамильно, дежурный по роте, командир первого взвода, зачитал приказ о назначении в суточный наряд на следующие сутки:

– Рота! Р-равняйся! Смирно! Слушай приказ командира третьей роты о заступлении в суточный наряд... – Дежурный прочитал шапку приказа и стал называть места дежурств и фамилии: – Дежурный по роте – старшина первой статьи Бектирбеков; помощник дежурного по роте – курсант Иванов; дневальные по роте – курсанты Мельниченко и Мануйлов; рабочие по камбузу – курсанты Толстых и Ведерников, рабочие по столовой – курсанты Погорелов и Синенко; хознаряд – курсанты Двойников, Савицкий и Смирнов, рассыльный дежурного по части – курсант Величко.

Слушая приказ, каждый курсант, услышав свою фамилию, откликнулся местоимением «Я», и дежурный по роте, после того, как называл очередную фамилию, делал небольшую паузу. Дождавшись отклика курсанта, он снова продолжал зачитывать приказ. Услышав свою фамилию, Мельниченко тоже ответил по всей форме, но про себя подумал: «Дневальным, так дневальным, нас ничем не удивишь». Служба дневального по роте для Игоря была знакомой по мореходке и не представляла для него ничего нового, поэтому он спокойно продолжал слушать волеизлияние дежурного по роте.

Приказ был зачитан, и командир роты, попрощавшись с дежурным за руку, растворился в темноте майской ночи, а дежурный продолжил руководить дальнейшим распорядком дня. Он сразу, одним привычным кивком головы, сдвинул бескозырку на макушку и, сунув оба больших пальца своих рук за ремень поближе к начищенной до блеска военно-морской бляхе, громко прокомандовал:

– Рота! Вольно! Справа по одному, с последующим построением на центральном проходе казармы, бегом – арш!

Услышав команду, курсанты немедленно стали её выполнять. Они, словно по цепочке, один за другим, поднимались в расположение роты и выстраивались на центральном проходе в две шеренги, ожидая прихода дежурного по роте. Чуть погодя, прибыл дежурный в окружении свиты командиров взводов и их замов. Он вышел на середину и остановился перед строем, измерив курсантов холодным хитроватым взглядом.

– Рота! Равняйся! Смирно! – громко прокомандовал дежурный лужёным басом и, делая небольшую паузу, резко вскрикнул: – Вольно! Рота, отбой! Время пошло!

Вытащив секундомер, он нажал на кнопку, засекая время, а все курсанты кинулись враспынную к своим койкам, на ходу освобождаясь от обмундирования. Прошло секунд тридцать, и стал раздаваться скрип панцирных сеток, а ещё через пятнадцать секунд, снова послышался бас дежурного:

– Время вышло! Кто не успел, тот опоздал! Всем заправить обмундирование и быстро по койкам!

Не успели салажата расслабиться на своих скрипящих койках в надежде на дремучий сон, как в ушах снова загудел бас дежурного:

– Рота! Подъём! Время пошло! Поторапливайся! Шустрее, военные, шустрее! Не отставать!

Казарма снова наполнилась сумасбродным скрипом панцирных сеток, а курсанты, подравшись из коечек, спешили одеться и встать в строй. Кто-то кому-то с верхнего яруса спрыгнул на голову, в хаосе были слышны крики и айканье, все беспорядочно бежали к центральному проходу, на ходу одеваясь и заправляя обмундирование. А в ушах снова звучал грозный бас дежурного:

– Становись! И равняйся! Смирно! – взглянув вдоль строя, дежурный определил своим опытным взглядом нерадивых курсантов и, уже, спокойно продолжил. – Вольно! Заправиться!

После первого неудачного «отбоя», дежурный ещё несколько раз повторил тренировочные упражнения «отбой-подъём», прозванные курсантами «взлёт посадкой» и дал команду:

– Закончить тренировки! Всем заправить обмундирование на ночь, можно сбегать прогальюнироваться и принять водные процедуры.

Повторять команду не пришлось. Салажата сразу усвоили её смысл и разбежались в разные стороны. Мельниченко аккуратно сложил своё обмундирование на небольшую табуретку, что называлась по-флотски «баночкой». «Баночки» находились на полу у каждой койки со стороны ног. Затем спустился в галюн, принял водные процедуры и вернулся к своей койке. Проходя по центральному проходу, он обратил внимание, что некоторое обмундирование валялось на полу, и было разбросано в хаотическом беспорядке. Приблизившись к своей койке, Игорь увидел своё обмундирование на прежнем месте, заправленным, как учили ещё в мореходке. На «баночку» аккуратно квадратом слаживались брюки, голландка и тельняшка с ровными рантами на краях. Всё это хозяйство покрывалось флотским воротничком «гюйсом». Но так, как курсантам до дня присяги запрещали носить гюйсы, то на тельняшку ложилась бескозырка вверх тулией, развёрнутая крабом в сторону центрального прохода, под неё сворачивался змееподобным образом ремень, а под «баночку» ставились «гады», носками на уровне ножек «баночки». Так как обмундирование было на месте, то Мельниченко аккуратно повесил полотенце на спинку своей койки и нырнул в подготовленный конверт из одеяла и простыней. Пока он отходил ко сну, рядом командиры взводов и их помощники занимались тренировками с нерадивыми курсантами. Игорь уже подрёмывал в своей койке и сквозь приоткрытые прорези глаз с интересом наблюдал за происходящим вблизи. Рядом с койкой Игоря, первостатейник Бектирбеков рьяно проводил тренировки с курсантом, украинцем приморского происхождения, Синенко. Вдруг, старшина с размаху врезал курсанту резкого пинка под зад и с пеной у рта заорал:

– Ты чё, дух?! Абарзела савсем, чоли?! Бистра делай повторний галс: не хочишь – заставим, не можешь – ми бистра научим! – Он снова с размаху врезал Синенко пинка, истерически повторяя: – Ты чё, не хочешь, да?! Не хочешь?! Фанера к смотря, падла чилим!

По этой команде Синенко стал в стойку «смирно», выпрямив свою широкую грудь, а Бектирбеков, со всей силы въехал ему в грудь своим приличным кулаком, восхищаясь собой в довольной улыбке. Глаза униженного курсанта светились злобой, словно у загнанного зверя, но приходилось терпеть и не давать воли рукам, после проснувшегося желания, дать сдачи. Синенко видел, что его обмундирование сложено не хуже, чем у других, которые уже давно отдыхают, но такое развитие дела устраивало Бектирбекова. Здесь он пользовался своим служебным положением и сам был вправе решать, как поступать. А Синенко молчал, стиснувши в злобе зубы, продолжая эти затянувшиеся, и нужные только одному Бектирбекову тренировки. Наконец-то старшина снизошёл милостью к униженному курсанту и дал ему «добро» на отдых.

Когда тренировки закончились и курсанты притихли, затаившись в своих койках, охваченные желанием быстрее уснуть, по помещению прозвучала команда дежурного:

– Рота, полный отбой!

По этой команде прекращались все праздные хождения по казарме, а дневальный включил ночное освещение (две синих лампы), и рота наполнилась моментальной тишиной, только изредка, в разных местах, раздавался неприятный для слуха скрип.

Ночь прошла моментально, словно её и вовсе не было. И, когда Мельниченко в очередной раз попытался поменять свою спящую позу, он, словно во сне, услышал шорох на центральном проходе, а помещение наполнилось тревожным перезвоном электрического звонка. Пока Игорь пытался разобраться в происходящем, на всю казарму прозвучал голос дневального:

– Рота, подъём! Форма одежды на физзарядку «брюки, голый торс», место построения на плацу у казармы!

Услышав команду «подъём», Мельниченко не мешкая, тут же, спрыгнул с коечки и стал натягивать брюки, сразу обувая «гады» на босые ноги. Чтобы быстрее разогнать сон, дежурный по роте провёл парочку тренировок «взлёт посадки», и, когда курсанты окончательно взбодрились, отправил всех на плац. Там они построились повзводно в колонну по три, и командиры взводов со своими помощниками стали организовывать физзарядку. Для начала была трёхкилометровая пробежка трусцой, занявшая минут десять, после чего заместители командиров взводов произвели десятиминутную разминку, включая в неё различные физические упражнения, выполненные в строгом организованном порядке.

После зарядки, как и следовало ожидать, была утренняя помывка, заправка коек и развод на утреннюю приборку. Игорю и узбеку Усманову достался объект, включавший в себя левую сторону дороги, что тянулась от казармы до самого пирса. Той дороги, ставшей для всех курсантов, прибывших сюда катером, первой дорогой на острове Русском, дорогой начала воинской повинности. Начиная с этого дня, Мельниченко и Усманов, убирали свою часть дороги каждое утро – поверхностно, а каждую субботу – капитально. Убрать поверхностно, означало: собрать находящийся на асфальте и вдоль обочины дороги мусор различного содержания. В капитальную приборку, вся часть дороги подметалась самодельной метлой, чтобы на асфальте не только соринки, но и пылинки не оставалось. Утренняя приборка длилась всего полчаса, а после неё у курсантов был небольшой перекур, чтобы помыть руки и подготовиться к утреннему осмотру. Сам утренний осмотр занимал всего минут десять. Сюда входила проверка состояния формы одежды, чистота подворотничков на сопливчиках, блеск латуни на бляхах ремней, глянец начищенных «гадов», аккуратность стрижек и многое другое, на что начальство могло обратить внимание своих пронырливых глаз. А пока время подступало к завтраку, то, затянувшийся утренний распорядок, возбуждал у курсантов такой зверский аппетит, что скудная казённая пища проглатывалась в один момент и без, особого, пережёвывания. Только, вот, глаза всё ещё бесновато смотрели по сторонам, а в мозгах, проскальзывала шальная мысль: «Что бы ещё съесть?» Но, увы! От одного желания сытым не станешь, а завтрак, к сожалению, имеет свойство заканчиваться. Радовало то, что день был воскресным, а по воскресеньям курсантам полагалось по два отваренных вкрутую яйца и какао на сгущённом молоке. Разбавленное, конечно, не в пользу курсантов. Был ещё и пятачок сливочного масла с двумя кусочками белого хлеба. Хлеб лежал в одной большой пластмассовой тарелке нарезанным тонкими ломтиками из половинок буханок кирпичика. После команды «сесть» и «приступить к приёму пищи», его моментально расхватывали по два кусочка в одни руки. Некоторые «хитрецы» умудрялись прихватывать по три кусочка, тогда, кому-то доставался только один кусочек, а «хитрец» умудрялся лишний кусок оставить на «потом». С целью разоблачения мелкого воровства и, чтобы такое не повторялось в спячку, командир взвода Гринёв решил искоренить зарождающийся криминал прямо на корню. После завтрака, на очередном построении, он приказал всем курсантам вывернуть карманы. И сделал он это не зря, так как «хитрецы» сразу обнаружили и получили, для начала, по одному внеочередному наряду на работы. Это означало, что, после «отбоя», таких хитрецов ожидали внеплановые ночные работы под присмотром дежурного по роте.

День был воскресным и распорядок дня ему соответствовал. В этот день для курсантов были спланированы только спортивные и культурно-массовые мероприятия. До обеда курсанты занимались спортом на спортивной площадке части, играли в футбол и волейбол, занимались на брусьях, перекладине и на других спортивных снарядах, накачивая мышцы, охилевшие за последние дни.

После обеда был небольшой перекур, а затем, просмотр кинофильма по телевизору в помещении казармы. Просмотрев остросюжетный детектив «Петровка-38», Мельниченко убыл готовиться к заступлению в суточный наряд. Чтобы не ударить в грязь лицом, надо было погладить рабочее платье, надраить до золотого блеска военно-морскую бляху, натереть ваксой до зеркального лоска «гады», подшить чистый белоснежный подворотничок и побрить шею да появившуюся под носом и на бороде щетинку. Как любил выражаться главкор Гринёв: «Убрать плацдарм для мандавошек». Капитально подготовившись, можно было смело идти на развод, чтобы дежурный по части не опозорил и не отправил для повторной подготовки.

Развод суточного наряда начинался в семнадцать ноль-ноль на большом строевом плацу школы и проводил его, вновь заступающий дежурный по воинской части, так как школа мичманов являлась полноценной воинской частью со всеми необходимыми атрибутами. Дежурными назначались командиры рот или командиры подразделений административных и хозяйственных формирований школы. Помощниками дежурного назначались мичмана из старшин рот. В этот день на дежурство заступал капитан-лейтенант, низкорослый крепыш с похожим на грушу лицом и редкой порослью жалкого подобия усов над верхней губой. Он, как и полагалось, произвёл тщательный осмотр всего суточного наряда школы, благо на этот раз все хорошо подготовились, и развод прошёл с первого раза. Дежурный не стал надолго всех задерживать и, после короткого инструктажа, отправил военных по местам службы.

Прибыв в расположение роты, Мельниченко со своим напарником произвели осмотр помещения на предмет чистоты, согласно полученной инструкции от дежурного по роте и заступил на тумбочку дневальным первой смены. Служба неслась в режиме: четыре часа через четыре. Четыре часа находишься на тумбочке, а четыре бодрствуешь (отдыхая ночью и занимаясь наведением порядка в дневное время). В обязанности дневального вменялось стоять на тумбочке около центрального входа, не впускать посторонних лиц, дублировать команды дежурного (при необходимости) или других ротных начальников. Встречать начальство и вызывать дежурного. Ночью дневальному второй смены разрешался отдых: одному с 23.00 до 02.00, а другому с 03.00 до 06.00. Таким образом, для ребят началась настоящая воинская служба со всеми атрибутами, распорядками и уставами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.